

РАСШИРЯЮЩАЯСЯ ВСЕЛЕННАЯ

Ах, эти темы, вечные, как хлеб!.. Любовь. Время. Память...

— Кто-то так уже писал.
Для чего ж ты пишешь,
если
кто-то где-то, там ли,
здесь ли
точно так уже писал!
Кто-то так уже любил.
Так зачем тебе все это,
если кто-то уже где-то
так же в точности любил!..

Согласитесь, все-таки убедителен этот трезвый голос. Но пусть уж остаются при тебе и эта мука, и это томленье, и «это странное стремление быть всегда самим собой». Да, разумеется, «было все уже на свете», но ничего не меняет это прискорбное обстоятельство:

Но позвольте мне любить,
а писать еще тем паче,
так — а все-таки иначе,
так — а все же не совсем...

Новая книга Юрия Левитанского*, из которой я привел эту цитату, книга с причудливым названием «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом», как и всегда у этого поэта, — о вечном (где так легко «изобрести велосипед» и так трудно «выдумать порох»). О времени. О памяти. О любви. Как всегда. И все же «не совсем», «иначе», хотя чуткая напряженность любой строки узнаваема безусловно и безошибочно.

Все-таки иначе...

«Все больше люблю расцветы. Все меньше люблю закаты», — признается Левитанский. Что поделать, идет (несется, уносит!) наше «время пик», время, которого так не хватает во все убыстряющейся нашей спринтерской гонке — а электронные секундомеры уже отсчитывают и сотые, и тысячные доли секунды наших бесполезных рекордов. Как избавиться от этого «мерного тиктканья часов», подгоняющих настольно, что даже толком не успеваешь сообразить — куда?..

Рецепт прост. И одновременно сложен невысказанно:

«Влюбленные часов не наблюдают», — подсказывает Фауст герою стихотворения древнюю, как мир, истину. Надо просто любить — женщину, жизнь, свое дело («так любить, как я умею, так писать, как я могу»). И тогда уже не надо будет останавливать ни часов, ни самых прекрасных мгновений. Ни чего, что «мы живем впервые»...

В одном из вошедших в книгу стихотворений Левитанский с беспощадной точностью сравнивает «бездну памяти» с «расширяющейся Вселенной». Эта Вселенная то обжигает нас, читателей, жаром своих июльских солнц, то обдаёт космическим холодом — скажем, холодом заснеженных полей 1941 года. И даже садясь за пишущую машинку, «мою спутницу, и веселую и печальную, портативную, изготовленную в Германии», поэт веско роняет: «Что естественно отразилось в ее названии, для меня особо значительном — «Рейнметалл»...».

И пусть «странное и могучее свойство памяти, порожденное зрелым опытом, а не робостью», подменяет со временем взрывоопасные воспоминания на идиллические и воздушные: лес, побитый осколками, — на то, как сладки были в нем тем же страшным летом ягоды; бинт в крови и коечку госпитальную — на то, как склонялась над ней медсестра — глазищи синие... Все равно «от первого же движения неосторожного» тихое, тишайшее небо памяти разлетается вдребезги на те воспоминания, обожженные и взрывные...

И именно эта осторожность каждого движения, с каким Юрий Левитанский прикасается к памяти, ко всей своей уже некороткой жизни, прикасается, порой сомневаясь и сожалея, но ничего не перечеркивая, именно она мне особенно близка и дорога в новой, как, впрочем, и в прежних его книгах.

* Москва, «Советский писатель», 1981 г.

ИЗДАНИЕ УПОДОБЛЕННОЕ

27 ЯНВ 1982